

Судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе....

Наталья ВАСИЛЬКОВА

Нет, не случайно я взяла заголовком строку из Булата Окуджавы. Не только потому, что для моего поколения он – как это говорят – НАШЕ ВСЁ. Не только поэтому. Еще потому – и даже в большей степени потому, что книга, о которой пойдет речь, и сама по себе – судьба, женская судьба, рассказанная без свойственных нынешней женской литературе либо сентиментальности, либо чернушности (середину найти чрезвычайно трудно: три-четыре имени назовешь, да и все, пожалуй); и потому, что в моей собственной жизни книга эта стала судьбоносной.

Собственно, две книги, два романа: “Семейное счастье” и “Любимая улица” Фриды Вигдоровой, недавно, после почти сорокалетней разлуки с читателем, впервые переизданные однотомником в издательстве СЛОВО/SLOVO. Спасибо ему за это огромное!

Фрида Вигдорова известна сейчас больше как правозащитник, чем как писатель, причем и тут однобоко как-то – только в связи с тем, что она записала оба суда над Иосифом Бродским (ее записями по сей день пользуются исследователи жизни и творчества великого нашего современника). Между тем в ее жизни правозащитных дел было полно и до Бродского: в частности, она вытаскивала из лагерей Ольгу Ивинскую и ее дочь; она добилась восстановления в университете юного Андрея Амалрика, исключенного якобы за несдачу экзамена по истории КПСС, а на самом деле за то, что он послал обычной почтой научную работу о норманском (!!!) происхождении русского народа шведскому профессору; она старалась помочь студентам, когда велось знаменитое в свое время “ВГИКовское дело”. То есть общественная деятельность занимала в жизни писателя едва ли не больше места, чем литературная: неблагородно жалеть об этом, “а все-таки жаль...”. Хотя – странная такая история! – готовясь писать этот материал, я заглянула в Интернет и обнаружила там, что, кроме огромного количества всякого рода статей, заметок, интервью, посвященных делу Бродского, есть и письма, просто обычные письма и высказывания о книгах Вигдоровой и что вспоминают люди даже не эти два моих любимых романа, а, скажем, рассчитанную не на такую широкую аудиторию трилогию ее о детском доме, где герой – ученик Макаренко, Семен Карабанов. И не только до сих пор вспоминают когдатешные читатели, но и ищут читатели нынешние, так и пишут в сети: “Помогите найти педагогическую трилогию Фриды Вигдоровой!”. Удивительно приятно прочесть о таких поисках. И хочется обратиться на них внимание книгоиздателей: может, пришла пора всерьез пересмотреть советскую литературу и взять все-таки оттуда все полу- или совсем забытое из лучшего, то, на чем мы, так называемые “шестидесятники” и те, кто чуть младше, воспитывались сами и воспитывали своих детей. Почин уже сделан издательством СЛОВО/SLOVO – еще раз спасибо ему за это.

Но вернемся к однотомнику, дважды, нет, теперь уже трижды сыгранному в моей собственной жизни громадную роль.

Первый раз – еще в журнальном варианте – я прочитала “Любимую улицу” будучи беременной. И твердо решила: родится дочка, назову ее в честь главной героини, Сашки, хотя мне вовсе несвойственно сотворять себе кумиров из каких бы то ни было персонажей, а уж ребенка назвать... Но вот родила именно дочку и назвала именно Сашенькой. Правда, она потом превратилась в Саньку, наверное, не случайно, потому как – при всех ее неоспоримых достоинствах – я до сих пор немножко жалею, что она не во всем похожа на своего, так сказать, прототипа. А для начала старалась – понимаю, что вам смешно это слышать – быть похожей на Сашу я сама. Вела, как она дневник, где записывала, что говорят и что делают дети (а потом внуки). И даже на работе, хотя Саша была медсестрой, а я журналисткой, использовала Сашины (точнее все-таки – Фриды Вигдоровой) советы. Едва только мне, тридцатилетней, но считавшейся уже опытной, “дали на воспитание” стажеров, вчерашних выпускников, не очень понимавших, что делать с белым листом бумаги, как выразить себя в наше странное время (70-е прошлого века), когда себя-то вроде бы полагалось, наоборот, тщательно, словно фиговым листком, прикрывать местомимением “мы”, я стала упорно повторять им примерно те же слова, какие Саша Москвина говорила своему мужу, бывшему кинооператору, вынужденному после контузии переквалифицироваться в журналиста (тут тоже странное и знаковое совпадение: и мой муж был кинооператором, и он тоже порою писал статьи в газеты): “Сядь и напиши мне письмо. Напиши: дорогая Наташа! Потом расскажи обо всем, о чем узнал(а) и о чем хотел(а) бы мне рассказать, чем проще изложишь, чем сердечнее, тем лучше. Потом в конце поставь: целую, Вася (Аня, Маша). А теперь зачеркни обращение и подпись, перепечатай и сдавай в секретариат!” Верите ли, что рецепт этот действует и сегодня, когда ко мне обращаются за помощью молодые коллеги? Не верите – проверьте сами – ну, например, если ваш сын или ваша дочка не знают, как подступить к школьному сочинению. Да я и сама вот эту вот самую статью пишу точно так же, да и все прочие журналистские материалы (от тридцатистрочной информации до публицистики на полосу) писала только как письма – ну, пускай незнакомому человеку,

но ведь в результате этой нашей встречи мы кем-нибудь станем друг для друга. Лучше бы – близкими по духу людьми.

Я очень боялась брать в руки однотомник Фриды Вигдоровой. Боялась потому, что слишком любила книжки Вигдоровой в юности, а это всегда страшно – возвращаться туда, где когда-то было хорошо. Но боялась совершенно зря. С первой же страницы я поняла, почувствовала, что – нет, не вошла второй раз в ту же реку, – наоборот, первый раз осмысленно, “взросло” эту реку переплыла. Не проглатывала, не листала лихорадочно страницы. Именно медленно так переплывала реку чужой (уже не чужой!) жизни, сопоставляя ее со своей и известными дружескими. Мне стали понятны и близки Сашины метания, Сашины проблемы, Сашины горести, а не только Сашины радости, которым куда легче сочувствовать в молодости. Мы словно бы вместе поднимались по ступенькам ее бытия и рушились вниз в моменты кризисов, и это была такая поглощенность жизнью, как будто не только незнакомому, но даже и не существу, но на самом деле совершенно родного тебе существа; это был катарсис, который редко-редко дает современная литература. Да почти никогда не дает.

Всё тут живое и все тут живые: от главных героев до самых эпизодических, на полстраничке описанных персонажей. Живые – потому что взяты из жизни и талантливо представлены нам автором. Не буквально – было бы скучно, да и верилось бы меньше, а как всегда бывает, когда человек или событие пропущены писателем через сердце.

А откуда я узнала, что “из жизни”? Вот тут – третье судьбоносное совпадение. Романы Фриды Вигдоровой, о которых идет речь, вышли в новой серии “У камина”, рассчитанной на семейное чтение, в паре с трилогией французской писательницы Ноэль Шатле, которую мы с той самой Санькой-Сашенькой, моей дочкой, давно уже членом Союза писателей, переводили на русский. Узнав об этом, я, естественно, воспользовалась издательскими связями и нашла ту, кого в романе “Любимая улица” зовут Катей (младшая дочка Сашки), на самом деле – младшую дочку самой Фриды Вигдоровой, Сашу, Александру Раскину, с которой мы не виделись, дай Бог памяти... почти 48 лет, с июля 1955 года, когда детьми оказались

вместе в Дубултах. Там я впервые увидела и Фриду Абрамовну и влюбилась в нее навсегда; тогда, наверное, просто за то, что она была нам не “старшим другом”, не смотрела на нас сверху вниз и не поучала, а играла и вот так, играя, научила-таки многому тому, что дальше оказалось так необходимо, когда я стала строить свой Дом и заниматься своей работой.

Саша Раскина, как выяснилось, живет теперь в Новом Орлеане, понемножку (к сожалению, совсем понемножку) печатает интереснейшие воспоминания – талант унаследовала и от мамы, и от папы, Александра Раскина, в свое время известного своим тонким и изящным, но бывшим порой напоям юмором. Воспоминания – их можно найти в Интернете – об ушедших своих друзьях и друзьях родителей, которые и сегодня с нею, на самом деле – никуда не ушли. А уж что каждое ее письмо о нашем ли общем детстве, о ее ли дочке (конечно же, Анюте, как дочка Сашеньки из маминих романов), о том ли, как получают американское гражданство или как проходят карнавалы на родине джаза – то есть о нашей уже отдельной взрослой жизни хоть в СССР, хоть в США – точно стоило бы опубликовать, и говорить нечего: настолько они содержательные и настолько при этом живые, веселые и грустные. Как сама жизнь – взрослая или детская, все равно. А недавно Саша рассказывала в Бостоне о маме, и вот несколько строк из ее письма: “В Бостоне у меня всё прошло хорошо. Пришло чело- век 60 – 70 москвичей и ленинградцев, в основном, нашего возраста. Все всё принимали, слушали замечательно. Смеялись, где надо. Не смеялись, где не надо. Я давно не видела столько российских интеллигентных лиц сразу. Рассказывала и о политических делах, которые были у мамы и до Бродского... Задумала такую работу о маме – что-то вроде “Труды и дни”.

Я понимаю, что пишу не рецензию, как предполагалось. Рецензия подразумевает – очень часто – краткий пересказ написанного в книге, но как перескажешь целую жизнь, да и зачем? Рецензия подразумевает – практически всегда – критический анализ написанного. Но в этом случае я не могу и не хочу ничего анализировать: объяснить, почему считаю, что мастерски построен сюжет; почему кажутся блестящими диалоги; почему образы героев привлекательны и чем именно. Мне кажется, не нужно тут всего этого. Мне кажется нужным пригласить читателя к книжной полке магазина, где он найдет недавно вышедший однотомник Фриды Вигдоровой, чтобы он сам прожил жизнь Сашки Москвиной и ее семьи, чтобы сам разобрался в перечисленных выше вопросах: не понадобится ему тут литературоведческого образования, потому как наверняка, так же, как мне самой, не захочется верить алгеброй гармонию. И еще мне кажется нужным обратить внимание издателей – так ведь много у нас издательств! – на творчество Фриды Вигдоровой и на ее собственную сложную и интересную жизнь, вполне достойную занять место в серии “Жизнь замечательных людей”.

● Ф.А.Вигдорова с дочками Галей и Сашей, когда те были еще маленькими

Фрида и сестры –